

Руслан Сидоров

Родился в 1968 г. в г. Новокузнецке. Учился в КемГУ на химическом факультете. Стихи начал писать в начале 90-х годов. Автор двух поэтических сборников: «Не именуя» и «Второе дыхание». Литературные предпочтения: И. Бродский, А. Платонов, Б. Чичибабин, А. Леонтьев, Т. Кибиров, В. Павлова, Д. Быков.

* * *

Коль жизнь серьёзна и серьёзна смерть,
серьёзен Президент, серьёзен смерд,
и всех серьёзней – над надмирной ватой, –
Поэзия должна быть глуповатой.
В ту дудочку, где дырочки, свистеть,
Ни-ни пророчества, ни-ни дурных вестей.
Оставим футурологам их хлеб.
К тому же есть, я слышал, на земле
серьёзные поэты и стихи их
серьёзные. Мне хочется хихикать;
и, ставши глуповатым, как добро,
дурачиться расхристанным пером,
юродствовать в виду закрытых врат,
и, как Сократ, знать то, что я дурак,
что неземною щедростью восторжен.
Лети, журавлик, и синичка тоже,
и голуби, летите: гули-гули.
Гуляю, околачивая дули;
в саду тропа, вдали премудрых тропов
с весёлым серым веществом коробки,
столь синим-синим политым обильно,
что уж не глуповатым, а дебильным.
Когда бы проза – был бы смех сквозь слёзы.
Я, улыбаясь, избегаю прозы.
Иван Андреич вывел бы мораль.
Я не Андреич, не Иван, – дурак,
до смерти заигравшийся в слова:
Поэзия должна быть глупова...

* * *

Вгрызалась, и грызла, сгрызала тоска.
Я в памяти рыскал и рифмы искал
на слово красивое: Крыса.
Оно совмещало: звериный оскал,
рычаще-монгольское «Ы», за века
добротно сроднённые с крышей.

Всё боле и боле, словцо за словцом,

рифмуется «крыса» с «лицом» и «ловцом»,
«творцом» и «подателем боли».

Падеж упадительный ближе уже,
но крыса – не жаба в любом падеже,
и за падежами, и боле.

Как метаметафора жизни вообще
в сравнении с Крысой Бессмертный Кощей –
пацан, старичок-долгожитель.

.....
Тоска отпустила, и крыса тю-тю.
Доска опустилась, и крышку тук-тук.
Всё: завершено и зашито.

* * *

Звуки «Французской сюиты»
Себастиана Баха
посередине деревни, среди ископаемого
картофеля
настолько сюрреалистичны, что думаешь
о прибабах,
о происках Женщины в Белом
по прихоти Мефистофеля.
Но Бах не кончается; мучайся;
клавир хорошо темперирован,
полифония органа меняется с фортепиано,
и, поднятый этой музыкой,
летишь, из контекста вырванный,
вслед лету, из леса ушедшему,
за Бахом Себастианом.

* * *

Я в роль вошёл, и вышел (о, тоска)
на остановке «Станция «Отрава».
Смерть заходила с правого виска
и оставалась; оставалась правой.

Там сладко пахла горькая полынь.
В июле больно сладко пахнут травы.

И пухли облака, плыла теплынь
над остановкой «Станция «Отрава».

В кармане ближнем, левом, нутряном
лежал багаж и реквизит для роли.
С платформы вид на сцену предо мной:
деревня, поле и холмы над полем;

что до холмов – смотри «Холмы» И. Б.,
а что до остального – отыграем
столицам – Станиславский и т. д.
Окраинам не важна театральность,

но пафос горя – подлинность и боль
под кисло-сладкий соус в цвет томата,
и горькая аттическая соль
над средней математикою мата,

и всё. И всё своё неся с собой,
я в роль вошёл с платформы на подмости,
уехал мой вагон не голубой
и я пошёл играть не на гармошке.

В театре жизни (такова ля ви)
дублёров нет, всё сам, по высшей мере.

.....

Никто не умирает от любви,
но от её отсутствия и смерти.

* * *

Одиночество?.. Ну... Я не знаю.
Как насчёт – поболтать с книжным шкафом?
Мир миров в этом скромном пенале.
Как-так – ты одинок, если – Кафка?
Слышишь, Фёдор Михалыч стучится? –
открывай же, не будь идиотом!
Одиночество... Хо! Дурачина!
А Платон? А Платонов? – Да вот он!
Как ты можешь в компании этой

да на жабу давить, что ты ноешь?
Никогда ты не будешь поэтом.
Я вот – буду! Таким... Одиноким.

* * *

Пускай все августы на свете
косятся злобным сентябрём,
но клоуны, стихи и дети
бесстрашно пляшут: не умрём!
Длись, високосная реприза!
На невысоком берегу
дни не бегут, а дети, в рифму
играя, вечность берегут.

* * *

Лишь изредка пытаюсь рисовать,
повествовал надуманное в рифму,
а думалось всё больше о словах.
Не то чтобы всё меньшее отринул,
но думать – с детства значило «решать
олимпиадной химии задачи»,
а как про жизнь подумаешь, душа?
Продумать смерть? – Не знаю, но иначе,
чем распланировать, прицелясь на года
иль меньше – месяцы, отмерить, взвесить;
всё это в детстве пройдено, когда
весами и мензурками был весел.

* * *

У подорожника – чёрный стержень.
Что это значит? – что время вышло,
что у реки закалился стрежень,
что по ночам больше звёзд под крышей,

значит, что август камзол примерил,
впору пришёлся, нашёл красивым,
дело за золотом позумента,
злато-червонным, за жёлто-синей

поверху оторочкой; франту
щедро дано выбирать в витринах
леса сияющие караты
рос в паутинах, звёзд в паутинах...

Лето прошло. Начинался август,
месяц груздей, – точно мысли, – чёрных.
Выйди во двор, посиди на лавке,
где «Р+Л...» – результат зачёркнут..

Вот прилетают скворцы – всё видят.
А улетают? Когда? Кто знает?
Вечер и ветер – накинем свитер.
...Тот результат был неравен с нами.

* * *

Та остановка называлась «Радуга»,
и там трамвай сворачивал дугой,
и я с трамвая выходил и к радости,
что не погашен свет горит тобой.

Я после смены; и все окна спят уже,
не спит одна на пятом этаже.
И я взлетал от первого до пятого
как никогда, – ни раньше, ни уже...

И кушал я горячее и вкусное,
курил втихушку сигарету «Bond»
(по тем годам и магазинам – лучшее)
и ничего не думал про любовь.

И то, что было наше – было штучное,
А дальше было – всё как у людей.
Зачем ты снишься? Что меня ты мучаешь?
Меня... тебя... нас больше нет нигде.

А то, что есть, друг друга не порадует,
и надо научиться забывать,
что остановка называлась «Радугой»

и что дугою прозвенел трамвай.

* * *

В чём смысл жизни, не очень сложный вопрос.
Ухаживать за могилами предков, растить детей.
Умножать, складывать, просто хранить добро,
что осталось в наследство
и сам осветил в темноте,
готовить ужин, на всю семью плюс одного
всегда возможного странника,
что заглянет на свет
и если нет веры, учиться верить в Него.
В тот самый жизненный смысл, которого нет.

* * *

Сначала срифмуем «любовь» и «кровь»,
срифмуем «время» и «семя».
Попозже срифмуем «любовь» и «вновь»,
срифмуем «время» и «бремя».

И в этих ветхих рифмах простых –
посмотришь – вся жизнь уложена.
А напоследок: «прости» и «стих»,
И – Боже мой, Боже мой, Боже мой...

* * *

«Мы все подохнем к концу апреля», –
Сказал капитан. И все согласились.
И льды, в которых мы напрочь сели,
не издевались над нашим бессильем,
Бело молчали. И мы молчали.
И вдруг, точно выстрел, – щелчок затвора.
И тогда я увидел глаза майора –
голубые. Без страха и без печали.
И, точно в замедленном кинофильме, –
ствол карабина, идущий к горлу,
а шомпол – к курку... И острою бритвой –
крик капитана: «Отставить!.. Майор, Вам
должно быть стыдно. Ведь Вы на службе.

Жить и работать! Приказ Вам ясен?»
И коку: «Удвоить паёк на ужин».
И тихо боцману: «Он не опасен».
Майор, пошатнувшись, прошёл меж нами.
Потупившись, мы на него не смотрели.
И вновь капитан: «Я вам напоминаю.
Мы все подохнем к концу апреля».

* * *

Когда запоёт Орфей,
Сизиф присядет на камень,
Тантал забудет о жажде,
Данаиды о бочках.
Отверзнется всяка дверь,
отыщется – что искали,
и все узнают однажды,
что называть Любовью.

Кончится время вьюг,
и каюк – Юге Кали.
Детка, не будет боле
боли, ни стигм, ни вав...
Вот это и есть, мой друг,
то, чем тебя запугали
в первоначальной школе,
Страшным Судом назвав.

Рецепт

В бочку дёгтя духовной болезни
капни ложечку мёда, слезу,
океанов-морей бирюзу,
чтобы спеть и воскреснуть
в чьём-то сердце, а может быть, в двух,
что споят о любви и рассветах,
и, пока эстафетой живут,
воскресают поэты.

«Коль жизнь серьезна и серьезна смерть...» ; «Вгрызалась и грызла, сгрызала тоска...» ; «Звуки «Французской сюиты» ; «Я в роль вошел; и вышел (о, тоска) ; «Никто не умирает от любви...» ; «Одиночество?.. Ну...Я не знаю...» ; «Пуускай все августы на свете...» ; «Лишь изредка пытаюсь рисовать...» ; «У подорожника – черный стержень...» ; «Та остановка называлась «Радуга»...» ; «В чем смысл жизни – не очень сложный вопрос...» ; «Сначала срифмуем «любовь» и «кровь» ; «Мы все подохнем к концу апреля...» ; «Когда запоет Орфей...» ; Рецепт / Руслан Сидоров // А небо все выше... : сборник стихов / Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Поэтический клуб «Дилижанс». – Новокузнецк, 2008. – С. 47-60.

Оформление обложки: Константин Егоров.